

Границы моего языка означают границы моего мира.

Л.Витгенштейн

Латинское изречение "Каков человек, таковы его речи" в упрощенной форме передает суть отношений человека и языка. С одной стороны, личностные особенности находят свое выражение в соответствующих языковых структурах и речевых формах, которые оказываются для данного конкретного человека более или менее предпочтительными; с другой -- эта взаимосвязь отнюдь не исчерпывается оппозицией: хороший человек -- правильная (корректная, нормативная) речь, плохой человек -- неправильная (ненормативная) речь.

Многомерность дихотомии (человек -- язык) изоморфна взаимодействию двух других категорий (единичное и общее), имеющих немало противоречивых толкований и в философии и в социологии.

Схожесть позиций в анализе отношений человека и общества и человека и языка, на наш взгляд, заключается в том, что их основой является деятельность личности, которая, в конечном счете, определяет функциональный потенциал обеих систем: общественной и языковой.

Язык как деятельность (*Energeia* по Гумбольдту) создается каждым членом языкового коллектива, а это значит, что творцом языка является языковая личность. Ее деятельность, равно как и деятельность социальной личности, не подлежит оценке "хорошо" -- "плохо". В отечественной философии трактовка личности долгое время зависела от идеологии, поэтому для определенной категории лиц статус личности был недоступен.

Социальный аспект также должен иметь другую шкалу оценки результатов речевой деятельности личности, привносящую в узус и норму не только лингвистически корректные единицы и структуры, но и речевые образцы, противоречащие требованиям языковой нормы, но обладающие высокой социальной значимостью, и как следствие -- устойчивостью в узусе. Речь индивида всегда системна, но далеко не всегда нормативна.

Языковая избыточность и саморегуляция языка легко справляются с процессами поддержания реальной языковой нормы в известном состоянии неустойчивого равновесия, являющемся для языка наиболее благоприятным и полезным.

Социологическая формула "Ничего нет в обществе, чего бы не было в индивиде" (Лютикова, 1999) вполне применима и для понимания отношений языка с каждой языковой личностью в отдельности и со всем языковым коллективом, в общем.

В языке есть все, чем пользуется каждый из носителей, и любая языковая личность обладает потенциалом формирования новых возможностей языковой системы и изменения языковых норм. Однако реализация этого потенциала обусловлена рядом внешних по отношению к личности и языку факторов, а также внутренними законами организации и функционирования конкретной языковой системы.

Теперь посмотрим на проблему с другой стороны. Отношения человека и языка отнюдь не напоминают собой абсолютную вседозволенность, как это может показаться. Взаимодействие человека с языком по определению должно иметь субординативный, регламентированный характер. Однако нужно иметь в виду, что в этой деятельности обоим "действующим лицам" присущи ограничения. Вспомним в этой связи известное изречение В.Гумбольдта "Народ может и несовершенный язык сделать инструментом порождения таких идей, к каким первоначально не было никаких исходных импульсов, но народ не в силах устранить когда-то глубоко укоренившихся в языке внутренних ограничений. Здесь и самое высокое просвещение не дает плодов" (Гумбольдт, 2001: 58).

Произвольность языкового знака, с одной стороны, свойство, исключаящее связь между означаемым и означающим в языке, заключающее в себе активное порождающее начало в языкотворчестве. Однако с другой стороны, связь между планом содержания и планом выражения языка обязательна. В этом состоит социальная функция языкового знака, его

непроизвольность, которая обязывает языковую личность действовать в строго определенном диапазоне. Язык, по выражению А.М.Пешковского, есть, прежде всего, сфера общепринятого, и правила порождения и восприятия речи одинаковы для всех без исключения носителей языка.

Если сравнивать наивного носителя языка с имеющимся в распоряжении цивилизации транспортными средствами, то он больше всего похож на трамвай, движущийся по уже проложенным языковой системой и нормой "рельсам".

Попробуем разобраться, как происходит это движение, и кто им управляет. Языковое сознание нации, формируемое потенциалом языковой системы, позволяет представить языковой коллектив как некую совокупность личностей, наделенных номинально одинаковой способностью речепроизводства.

Б.Ю.Норман (Норман, 1994: 11) полагает, что вербальная разница реализации языковых средств состоит в "доле стандарта" и в "доле новаторства". С этим можно согласиться, хотя языковое новаторство вряд ли возможно вне рамок языковой системы.

А.М.Пешковский (Пешковский, 1959) сравнивал речь интеллигента и речь крестьянина с ходьбой по канату и естественной ходьбой, но в обоих случаях мы имеем дело с принципиально одинаковым процессом (ходьбой).

Есть данные, что активный запас лексики носителя языка в среднем составляет 2,5--3 тыс. единиц. Пассивный словарь -- в десятки раз больше. В языковом сознании неграмотной крестьянки может содержаться около 30 тыс. лексем (Норман, 1994). Перцептивные возможности рядового носителя языка не менее впечатляющи -- слуховая память хранит несколько сотен голосов. Таким образом, с одной стороны, язык действует как социализирующая и унифицирующая сила, объединяющая носителей языка в языковой коллектив, с другой -- язык является одним из наиболее надежных и эффективных средств формирования индивидуальности (личности).

По определению Л.Витгенштейна, язык -- часть человеческого организма (Витгенштейн, 1958). Автор логико-философского трактата не указывает, какую именно часть он имеет в виду. Думается, что очень важную, во-первых, и трудно обнаруживаемую, во-вторых. Физиологам и нейролингвистам удалось обнаружить "языковой центр" в коре головного мозга, точнее, в его третьей лобной левой извилине (зона Брокб). Сложнее обстоит дело с оценкой значимости языка и его структурной неоднородности. Наиболее ярко об этом сказано у Ф.Соссюра, который писал в своих заметках: "...язык, взятый не в одной из своих сторон, а в своей тревожащей двойственности так сложен, что мы его никогда не схватим. Раздражает двойственность между значимостью и значением, между прочным укоренением слова в человеческом общественном бытии и его произвольностью в языке как в системе" (цит. по: Биbihин, 2001: 67).

В одной из работ Л.Витгенштейна мы находим и совершенно противоположную приведенной выше сентенцию о том, что язык это вообще не наше дело. Может создаться впечатление, что Л.Витгенштейн принципиально изменил свою позицию в отношении языка не без влияния Ф.Соссюра.

Принимая во внимание эти полярные позиции, мы ограничимся пока столь же тривиальным, сколь и бесспорным выводом о неоднозначном и многомерном характере отношений человека и его дитища -- языка. Попытаемся объединить эти две абстракции и представить их в виде некоего индивида, пользующегося языком и творящим его, т.е. языковой личностью. Иными словами, разделяя основную позицию прагматической лингвистики, мы будем считать отправной точкой толкование языка как человеческого феномена, а не как абстрактной сущности.

Под языковой личностью мы будем иметь в виду наивного носителя языка, способного реализовать в речевой деятельности некую совокупность языковых средств, характеризующих определенную часть языкового коллектива (социальную группу) в данный промежуток времени.

Этот потенциал языковой личности в большей степени вербализуется за счет устойчивых речевых образцов, недавно получивших название ментального лексикона. Однако, как во всякой деятельности, человек может изменять принятые правила поведения под действием различного рода внешних и внутренних факторов. Тем не менее, мы вслед за Э.Сепиром (Сепир, 1993) полагаем, что так называемые языковые (а точнее речевые. -- В.Н.) привычки являются

бессознательными маркерами (индикаторами) личности или некой части языкового коллектива, объединенной общими (социальными, возрастными, половыми) признаками. Эта формула индикации личности "работает" как в анализе механизма порождения речи, так и в процессе распознавания личности посредством анализа восприятия ею речевого сегмента, текста.

Способностью оценивать речь собеседника или любого другого представителя языкового коллектива обладают все носители данного языка. Оценки типа: "Он говорит правильно (или неправильно)" базируются на языковом опыте. Оценка "Он говорит как мы" равнозначна утверждению "Он один из нас".

Постулат Э.Сепира: "общество изъясняется не иначе как через индивида" (Сепир, 1993: 286) столь же правомерен, сколь правомерна другая зависимость: индивид говорит и воспринимает речь по правилам, выработанным обществом. Поэтому анализ речевых характеристик личности с целью ее идентификации должен осуществляться с опорой на речевую организацию и правила речевой деятельности той группы носителей языка, к которой принадлежит данный индивид.

Язык материализует мышление людей посредством речи. Бодуэн говорил, что язык в развитии есть трансформация психических процессов в языковую материю (Бодуэн де Куртенэ, 1963). Заметим, что изменения в психической и мыслительной деятельности человека имеют мутационный характер, тогда как соответствующие изменения в языке регистрируются в реальной норме и системе с большим или меньшим опозданием. Узус (речевая деятельность) является той средой, в которой это противоречие разрешается. Языковые новации не подлежат обязательному усвоению всеми носителями языка, однако любой синхронный срез языка характеризуется таким состоянием узуса, в котором некоторая часть языкового материала (лексика, фонетика, идиоматика и т.д.) закрепляется за какой-то определенной группой носителей данного языка и более или менее активно ею используется в речевой деятельности. Однако это вовсе не значит, что для остальных членов языкового сообщества указанный материал -- terra incognita. Использование/неиспользование той или иной языковой структуры, имеющей для данной речевой ситуации коммуникативную значимость, может определяться и таким феноменом, как языковое чутье. Напомним в этой связи читателю слова Бодуэна: "Чутье языка народом не выдумка, не субъективный обман, а категория действительная, положительная, которую можно определить по ее свойствам и действиям, подтвердить объективно, доказать фактами" (Бодуэн де Куртенэ, 1963: 60).

Разумеется, такое свойство языковой личности, как чутье более эффективно при восприятии речи, нежели в речепроизводстве, которое в большей степени контролируется психикой и мышлением. Чутье становится более действенным рычагом восприятия при наличии контекста. Чем шире контекст, протяженнее высказывание, тем надежнее "срабатывает" языковое чутье. Если контекст отсутствует, чутье может не выручить. Уместным здесь кажется пример из политической жизни России конца XX в. Одно из выступлений Е.Гайдара (премьера правительства в Госдуме) премьера правительства в Госдуме вызвало недовольство коммунистической фракции, представлявшей большинство депутатов. Посыпались нелестные реплики, вопросы. Один из них был, что называется, не в бровь, а в глаз: "Вы хотите своими реформами уничтожить народ, страну...". Гайдар ответил одним словом: "Отнюдь". По реакции зала можно было судить, что далеко не все поняли значение этого слова, имеющего, кстати говоря, и достаточную частотность, и вполне определенный план содержания. В данном, конкретном случае "отнюдь" значило "нет". О чем же говорит этот пример? Очевидны, по крайней мере, две вещи. Во-первых, языковое чутье отнюдь не является абсолютным фактором корректной интерпретации языковых единиц; во-вторых, чутье языка -- это индивидуальное качество языковой личности, имеющее градуальную шкалу измерения. Оно присуще всем носителям языка, но у одного чутье является надежным проводником в хаос речевой действительности, а другому оно может лишь оказать помощь в критической ситуации, когда отсутствует знание.

Отличить интуитивное использование языковых единиц, базирующееся на чутье, от осмысленного, основанного на знании, в процессе лингвистической идентификации личности не всегда просто. Носитель языка иногда задумывается над тем, *что* сказать, и, как правило, никогда не размышляет над тем, *как* это сделать. Э.Р.Атаян (Атаян, 1981) считает непосредственной предпосылкой коммуникативного акта коммуникативную "валентность", т.е. "способность и готовность данных субъектов к контакту в данной ситуации, в отношении данного объекта, с данной целью и средствами. Приведение всего этого в состояние взаимной гармонии создает необходимые и достаточные условия, при которых коммуникативная потенция

преобразуется в соответствующую интенцию, и коммуникативный акт наступает с неизбежностью" (Атаян, 1981: 29).

Речевое поведение в абсолютном большинстве случаев обусловлено психическими и мыслительными стереотипами, сложившимися в данном языковом коллективе, или его части. Диапазон стереотипов постоянно меняется; это "открытая и подвижная система значений, хранящаяся в памяти индивида и организованная по принципу: от общего к частному внутри определенной сферы употребления" (Дридзе, 1980: 128). Автор цитаты называет эту систему тезаурусом. Не лишним, на наш взгляд, было бы включение в тезаурус языковой личности и формы представления языковых знаков, их экспликацию.

Языку вообще и речевой деятельности в частности присуща асимметрия означаемого и означающего. В спонтанной речи на поиск соответствующего оформления мысли отводится чрезвычайно мало времени. Поэтому на помощь вербальным средствам приходят различного рода параязыковые (невербальные) формы общения. Их распознавание нередко дает больше информации об индивиде, чем собственно анализ речи. Владение определенным инвентарем параязыковых средств является неотъемлемым свойством языковой личности; носитель языка обязательно является носителем параязыка, и эта естественная способность адекватно использовать обе знаковые системы в речевой деятельности определяет принадлежность (или непринадлежность) индивида к тому или иному языку, формирует понятие и образ языковой личности.

Умение соотносить конкретные речевые произведения с соответствующими личностными характеристиками их авторов предполагает определенную подготовку, включающую в себя знание фундаментальных сторон человеческой природы. И роль языка здесь отнюдь не второстепенна.

Язык это живой организм, но у него нет души. Он безразличен к проблемам всего социума в целом и к каждой конкретной языковой личности в частности. Язык, обслуживая все сферы человеческого бытия, индифферентен к обществу, его породившему. Но далеко не безразлично к языку общество, получившее в свое распоряжение столь уникальное средство материализации духа, позволяющее находить такие формы взаимодействия с окружающей действительностью, которые создают как общие, системные закономерности национального языка, так и индивидуальный диапазон вариантных реализаций, находящийся в распоряжении каждого носителя языка.